

П.П. Африкантов

БЫЛИНЫ И БЫЛИ

Пётр Петрович Африкантов

Былины и были

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64783757

SelfPub; 2021

Аннотация

Много в России городов, но далеко не о каждом написаны былины, сказы и сказки. Саратову повезло. Он имеет не просто историю, а художественную историю. А это уже совсем другое дело. Такая история лучше воспринимается. Автору удалось написать былины не только о далёком прошлом, что привычно, но и о настоящем. Автор считает, что былина лучше сотен статей может донести до читателя главную суть переживаемого народом исторического момента.

Содержание

Былина о князе – строителе Григории Засекине, стрелецком голове боярине Фёдоре Турове и славном городе Саратове	4
Сказка о Глебучевом овраге	30
Сказка о Соколовой горе	35
Баллада о соколах	67
Былина о сказочных богатырях русских	83
Скудельнике, Дубравнике и Соломенщике	

Пётр Африкантов

Былины и были

Былина о князе – строителе Григории Засекине, стрелецком голове боярине Фёдоре Турове и славном городе Саратове

1
А, было это давным-давно,
А, было это на Волге-реке.
А было это ниже города Казани,
Ниже города Казани,
Да выше города Астрахани,
Где рыскал только дикий зверь,
И не было дорог езженных,
И не было дорог хоженных.
Так по вольным просторам по-волжским,
Да по над кручами правого берега
Летала большая птица Гамаюн.
Птица вещая восьмикрылая,
С лицом белым человеческим,

А ногами чешуйчатыми звериными.

Где птица летит,

Там смерч свистит,

А где на древо сядет,

То древо сохнет.

И предвещала птица

Покриками зычными,

Что городам здесь быть,

На часах стоять,

Русскую землю хранить,

От врагов оберегать.

А кто встанет на пути,

Так тому не жить,

По царёвой земле

Костей, мяса не носить.

Москвы грозный царь,

Земли волжской государь.

А, другому не бывать,

О другом ей не сказать.

Долго ли птица летала,

Человеческим голосом кричала?

Много ли древ посушила?

Много ли вихрями трав наклонила?

Слышали то рыбаки замоскворецкие,

Что на реке рыбачили,

В волнах стерлядь ловили,
Да московским монастырям поставляли.
Слышали то пастухи прикаспийские,
Люди кочевые, гости однодневные.
Слышали то ушкуйники сорвиголовы,
Грабежом речным промышлявшие.
Все, кто тем часом те места проезжал,
Кто на вёсла налегал,
Кто коня плёткой хлестал.

Не напрасен был птичий глас,
Потому, что в этот самый час.
Царь всея Руси Фёдор Иоаннович,
Сын великого Грозного царя,
В палаты каменные, входил.
На нём шапка была парчовая,
Шапка парчовая, жемчугом украшенная,
Сапоги сафьяновые,
Мехом отороченные.
Он в палаты входил,
Перед боярами речь держал:
– Ой, бояре вы древнеродные,
Люди славные, именитые,
Умом разумом не забытые.
Пораскните умом, поразмыслите,
Мой отец, славный Грозный царь,

Государству земли прибавил,
Да нас не вовремя сиротами оставил.
От Казани до Астрахани земли необъятные,
Как их будем охранять,
От врагов оберегать?
Он обвёл очами думу боярскую,
Он ждал ответа прямодушного.

Тут встал боярин Годунов Борис,
Он одет в золочёный ферязь,
В золочёный ферязь со петлицами.
А в петлицах пуговицы серебряные,
Пуговицы серебряные,
Золотой нитью обвитые.
А на голове его мурmolка ярко-вишнёвая,
А на руке его перстень яхонтовый.
Боярин в пояс царю поклонился,
К царю и боярам обратился.
– Разреши государь слово молвить.
Слово новое, а дума старая.
Дума старая, дума выношенная.
Говорит царь в ответ таковы слова:
– Говори, боярин, коль поднялся,
Говори, коли с думой не расстался.
– Гой, ты наш царь, ты наш батюшка,
Гой, бояре вы именитые,

Именитые и родовитые.

Разрешите мне слово сказать,

Слово сказать, перед вами речь держать.

Воевали мы Казань, воевали и Астрахань.

Побили рати супротивные.

Земли захватили обильные –

Много рек, озёр и лесистых гор.

А нет в тех местах ни колышка,

А нет в тех местах ни брёвнышка,

Что жильём бы звалось человеческим,

Говорило б что, о московском царе,

Говорило б что, о его земле.

Надо ставити грады-крепости,

Со стрельцами и боярами,

Да с купцами и товарами.

Чтобы слышен был колокольный звон,

Православный звон переливчатый.

– О добром деле глаголешь, –

Говорит царь Фёдор Иоаннович. –

Доброе дело советуешь,

О великости земли нашей думаешь.

Закивали бояре в знак согласия.

Закивали, да посохами задвигали,

Посохами задвигали,

Бородами длинными зашевелили.
По сторонам стали поглядывать,
Да среди бояр человека высматривать,
Кто бы мог это дело государево сделать,
Кто бы мог царскую волю исполнить?

– Из бояр, вельмож к сему делу гожд, –
Смиренно молвил Годунов Борис. –
Назову я вам имя знатное,
Имя знатное, имя доброе.
Он Григорием называется,
А Засекиным прозывается.
Рода княжьего, рода древнего.
И на русской земле не последнего.
А в помощники
Дать боярина
Слугу верного государева,
Стрелецкого голову Фёдора Турова.
Со стрельцами пойдёт князь дело делати,
Работный люд от врагов оберегати,
Ну, а ворогу, так отпор давать.
Лучше дела того никто не сделает.
Лучше дела того никто не исполнит.
Пусть едут на Волгу-реку,
Пусть послужат государю своему. –

И бояре с тем согласились,
Царю в пояс все поклонились.
– Так и быть тому, – молвил Фёдор царь
А по батюшке Иоаннович:
– Повелеваю князю строить крепости.
В городах чтоб жил православный люд,
Таково моё слово веское,
Слово веское, слово царское. –
Посох в руку взял Фёдор Иоаннович,
Посох весь камнями украшенный.
Каменья заморские переливчатые.
И стукнул он тем посохом
Да в дубовый пол,
В пол дубовый, мозаичный.

2

То не день прошёл,
И не ночь протекла
Да пониже города Казани,
Да повыше города Астрахани
Выросли города-крепости новые,
Города-крепости сосновые.
Первый город Самарой называется,
А второй – то город – Царицын есть.
И встали они на великой реке,

И стоят они на правом берегу.
На правом берегу крутёхоньком,
От врагов русскую землю охраняют,
Охраняют они её зорче зоркого,
Незванных гостей мечом пленяют,
И вяжут верёвками лыковыми,
Верёвками лыковыми,
В воде вымоченными.
Ведут в город их на дознание.
А кто меч обнажил, тех побивают,
Друзей же царя хлебом-солью встречают.

Бояре на Москве ликуют,
В собольи шубы рядятся,
Бояре на Москве вина медовые пьют,
Царя Фёдора Иоанновича хвалят,
Да друг с другом челомкаются,
За новые города ковши поднимают.
Только один боярин не ест, ни пьёт,
Буйну голову он рукой подпёр,
А другой рукой он свой посох сжал.
Посох ореховый не украшенный.
Да встаёт он на резвы ноги,
Да подходит он к царю батюшке,
В ноги ему кланяется.
В ноги кланяется,

Просит речь держать,
Царю слово сказать.
Тут воззрился на него Фёдор Иоаннович,
Вопросительно бородой повёл,
Да любезно на боярина посмотрел.
Ведь был то ни кто иной,
Как князь Григорий – строитель,
Что города возвёл,
Земли русские огородил.
Говорит он царю почтительно,
Но, а речь его промыслительна.
– Государь ты наш батюшка,
Сын великого Грозного царя.
Построили мы два града-крепости.
На той реке, Волге – матушке,
По твоему приказу великому.
Построили один ниже города Казани,
А другой – выше города Астрахани.
Чтобы земли охранять,
Царство русское оберегать.
Посадили в них стрельцов-воинов,
Чтоб мимо городов враг не проскакивал,
Лихой басурман не проезживал,
Русскую землю не воевал.
А стрельцы все – люди brave,
При себе имеют пики острые,

Наконечники у пик воронёные.
А за меня Фёдор Туров там.
Мы с боярином Туровым совещались,
Мы с боярином умом раскидывали.
Хорошая с городов ограда получилася,
И на тысячу вёрст застава протянулася,
Только мало городов построили.
Между городом Самарой,
Да между городом Царицыным
Четыре дня пути шага бойкого,
Шага бойкого молодецкого.
Надо крепость между ними ставить,
Чтоб было между городами
Только два дня пути.
Тогда меж городов волк не прорыщет,
Тогда меж городов
Чужая дружина не проскачет,
Ибо дозоры её заметят
И путь-дорогу на Русь закроют.

Тут царь Фёдор удивился,
Тут царь Фёдор умом возмутился.
– Не должно врагам на Русь ходить!
Не должно врагам русских людей полонить!
Повелел он князю Засекину
Между Самарой и Царицыным место искать,

Место искать, город-крепость ставить.
Крепость сильную, крепость срубчатую,

Чтобы мимо города лисица не прокралася,
А басурман пройти не отважился.

3

Вот Засекин князь в дорогу собирается,
На добра коня князь садится.
А конь кованый да на медный гвоздь,
У коня его грудь широкая,
А стать у коня высокая.
На груди его бляха медная,
Бляха медная с изумрудами.
А подпруга кистями украшена,
А в поводья вделаны камня лучистые.
А седло его с подседельником,
Подседельник лежит на потничке,
А потничек на подпотничке.
И берёт князь повод кожаный.
Повод кожаный, шёлком прѣшитый
Едет он на Волгу-реку,
А едет Григорий город-крепость ставить.
А едет он царскую волю исполнять.
Город-крепость та Саратовом назовѣтся,

А идёт на Руси 1590-й год,
Днём и часом год слагается,
Месяцами год открывается.
А Засекину дорог каждый час.
Надо город в верховьях реки срубить,
По венцам его разобрать,
А на каждом брёвнышке,
Чтобы знак стоял
В плоты брёвна те связать надо,
Да по воде те плоты спустить надо.
Торопится Засекин князь,
Ждёт его на Волге боярин Туров.

Вот Григорий на коня сел,
На коня сел на буланого,
Вдел ногу в стремя серебряное,
В стремя серебряное узорчатое,
Взял в руки повод тиснённый,
Повод тиснённый, шёлком прошитый.
Оглядывает он конников отъезжающих,
Осматривает он толпу провожающих.
Он осматривает всех и тревожится:
Есть здесь спальники и печальники,
Скоморохи и начальники,
Только не вышла провожать любимая жена,
Не вдела в стремя сапога ялового,

Не воткнула в шапку лазорев цветок.
Не увидев, жены князь нахмурился,
Князь нахмурился и с коня сошёл.
Он с коня сошёл, на крыльцо взошёл.

Зычным голосом жену зовёт:

– Где ты, моя жёнушка милая?

Где моя милая жена свет – Дарьюшка?

Отчего на крик не отзываешься,

Отчего из палат не выходишь?

Вошёл князь в палаты дубовые,

Откинул занавески шелковые,

А жена его на полу лежит,

На полу лежит без сознания.

Прибежали слуги боярские,

Опрыснули Дарьюшку холодной водой.

Дарьюшка глазки открыла,

Что случилось с ней мужу поведала.

– Ты, мой муж, не сердись, не кручинься.

Я тебя провожати хотела,

Я хотела одеть стремя серебряное,

Да на твой сапог, сапог яловый.

Только силы меня покинули,

А ноженьки мои подкосились.

И упала я на сосновый пол,

И сковал меня поминутный сон.

Мне привиделась в нём река вольная.
У реки у той правый берег крут,
А по той реке омуты идут.
На крутом берегу стены высятся,
Стены древние, стены каменны
Большей частью поразрушены,
Буд-то было там наводнение,
Иль землицы да сотрясение.
Или город сжѣг пламень бешеный,
С сотрясением стен перемешанный.
А за стенами абрек прячется,
Он в развалинах к камню ладится.
Достаёт абрек лук тесёмчатый,
Лук тесёмчатый, колчан кожаный.
А в том колчане лишь одна стрела,
Лишь одна стрела закалённая.
Лишь одна стрела именованная.
Здесь мне мысль на сердце легла:
«А не хочет ли абрек моего мужа убить,
Злое дело на берегу совершить?»
Затрепетала я как осины лист,
Руки белые заломились,
Ноги быстрые подкосились
И на пол я упала без памяти,
В этом чудном сне предсказательном,
Ты нашёл меня муж заботливый.

Для меня ты муж, а царю слуга.
Ты возьми меня, муж, родимый мой,
На берега реки, берега дикие.
Я не буду для тебя в походе сумою,
А я буду тебе свет – Григорий слугою.

Не хотел Григорий Дарьюшку брать,
Чтоб на Волге-реке место искать,
Где городу быть?
Куда плоты сплавливать?
Где из тех плотов стены собирать.
Собирать стены высокие,
Терема за стенами ставить узорчатые.
А, во-первых ставить церковь русскую,
Церковь русскую, православную,
Чтобы слышен был колокольный звон,
Колокольный звон, звон молитвенный.
Только стало ему жаль жены своей.
Изовьётся она, изкручинится,
Будет день и ночь думу думати,
И в уме держать град разрушенный,
Что привиделся в её тонком сне,
А ещё абрека злонамеренного,
Со стрелой своей закалённою.
И велел он Дарьюшке собираться,
В путь-дорогу к реке снаряжаться.

Как по Волге-реке плоты плывут,
Плывут плоты перемеченные,
Плывут плоты перевязанные.
То стрельцы-молодцы
Новый град везут.
Новый град везут,
И на нём плывут.
А от Самары
Да по берегу реки
Идёт Засекин князь со – товарищи,
А на встречу ему от Царицына,
От Царицына, да по берегу реки
Боярин Туров идёт со – товарищи.
Где сойдутся они,
Там и граду быть.
Там и граду быть, и плотам пристать.
А стрельцам на плотях
Есть условный знак,
Где костры горят, туда правити,
На крутом берегу крепость ставити.

Уж два дня в пути князь со – товарищи,
А с ними княгиня свет – Дарьюшка.

Идут они по берегу реки.
Идут они от града Царицына.

Идёт Туров от града Самары.
А идёт он уже два дня да по берегу.
Видит Туров река – то сужается,
Левый берег её приближается.
Здесь – то Туров с Засекиным встретился.
Видят стрельцы на крутом берегу
Мёртвый град стоит и росой блестит.
Стены древние, стены ветхие,
Заросли травой и терновником.
Пообрушились крыши старые,
Крыши старые, черепичные.
Нет окон, дверей, в граде нет людей,
А по улочкам кирпича лишь бой,
А ночной порой слышен волчий вой.
Подошли стрельцы воеводские.
И дивятся все граду древнему.
Этого града они не видывали,
О нём они не слыхивали.

Тут Засекин князь произносит слова,
Произносит слова, слова верные:
– Граду здесь стоять и дозор держать,
Граду новому, граду светлому.

Два же дня пути здесь кончаются,
Древним городом означаются.
Разберутся здесь стены старые,
Стены старые, стены ветхие
И построятся стены новые,
Стены новые, да смолистые...

Лишь Засекин князь слово вымолвил,
Рядом с ним земля всколыхнулася,
А трава к земле вдруг пригнулася.
А от круч речных мрак надвинулся,
Поползли с земли гады в стороны,
Закричали с холмов птицы-вороны.
По обрывам – то камни ссыпались,
В волны волжские опрокинулись,
Птицы с криками полетели прочь
А пред ним из земли вырастает коч.
Сколько князь по земле не хаживал,
И чего он только не видывал,
А такого ему и на ум не приходило,
А такого и знать нельзя.
Этот коч перед ним разверстается
Из земли голова появляется.
На главе той глаза закрыты,
А усы, борода кореньями увиты.

Захрапели кони боярские,
Испугались слуги царские.
Захрапели кони, вздыбились.
Кони вздыбились и попятились.
Только Туров с князем остались,
Только двое не испугались.
Говорит голова таковы слова:
– Вы хотите город строити,
Город строити, стены ставити.
Только на кладбище город не строят,
На костях стены не ставят.

Обращается Туров к той главе:
– Что за дивности видим в сем краю?
Что за град стоял на крутом берегу?
Что являешься в неурочный час,
Говоришь слова ты свои о нас?
Кто таков и зачем нам являешься,
Ты из недр земли появляешься?!

Голова в ответ рот разинула,
Голова в ответ брови сдвинула
И сказала голова таковы слова:
– Кто, зачем и как? Не скажу я вам,
А совет такой я посланцам дам:
«От решения своего отступить,

Рядом с градом сим место ищите.
Не зовите беду на свою главу,
А иначе падёт она на траву.
На былин-траву у Укекских стен,
У Укекских стен поразрушенных,
И ветрами как кости иссушенных.
Золотой Орды то пристанище,
Золотой Орды то покойлище».

Возмутился князь духом воинским,
Посмотрел на главу взором огненным:
– Что ты мелешь здесь, кость вонючая,
Челюстями своими скрипучими?!
Не меня ли ты князя пугаешь?!
Ты Засекина, кость, плохо знаешь.
Что ты можешь, трухлявое темя!?!
Голова: – Пререкайся с тобой нету время.
Не послушаешь – каяться будешь,
Впопыхах ты здесь, княжиче, судишь.
Дело вовсе не в нас, головах...–
И под землю ушла на глазах.

– Что же делать?– спросил князя Туров
– Нам глава не указ. – Получил в ответ. –
Нам не нужен её совет.
Дарья к князю тут подступила,

Она князя преклонённо просила.
– Ой, Засекин князь, князь московский,
А внемли ты земному знамению,
А внемли ты о нас промыслению.
Ты не строй град на Укеке.
Разве нет мест иных на берегу.
Разве нет мест иных на берегу реки.
От укекских стен ты уйди, отступи.
Но не хочет князь отступить,
Жены мольбам не хочет внимати.
В этот миг в воздухе стрела запела,
В этот миг стрела засвистела.
Увидала Дарья стрелу летящую,
Увидала Дарья стрелу разящую,
Белой грудью князя закрыла,
Белым телом его защитила.
И попала стрела ей под леву грудь
Ей под леву грудь в тело белое.
И упала она тут же за смертью.
А стрелок чужой на лихом коне,
Убегает прочь в степь широкоюю.
А стрелка того в той степи не догнать,
А стрелка того в той степи не сыскать.
И тут вспомнил Григорий,
Да жены слова,
Намочила глаза у него слеза.

Приказал он Дарью схоронити,
А от древних стен отступити.
Отступили от стен слуги царские,
Слуги царские да на десять вёрст.
И нашли они место доброе.
Разожгли костры там дымливые,
Чтоб пристали плоты к берегу правому
К берегу правому на дымы костров.
Только вдруг туман с гор надвинулся,
На стрельцов и костры опрокинулся.
И не видно стрельцов
Да и их костров.
И сколько плыть плотам незнамо,
И куда пристать неведомо.
Лоцман на воду глядит,
Лоцман шапку теребит,
Лоцман бороду почёсывает,
Лоцман в кулак покашливает.
Сколько плыть – лоцман не ведает,
В каком месте пристать – не знает.
Только видит он – впереди плотов,
Описать того не найдётся слов,
Волны в стороны откатилися,
Плавники над водой появились,
Всплыли рыбы из вод, рыбы царские
Рыбы царские, драгоценные.

У рыб усики бахромчатые,
У рыб хвосты серповидные,
Костяные щитки серебром горят,
Носы узкие от воды блестят.
Одна рыба посредине плывёт,
Посредине плывёт, другим знать даёт.
Воду волжскую носом режет.
Хвостом стрельчатым волны теребит.
Две другие по бокам плывут.
По бокам плывут, от неё не отстают.
Острова и мели рыбы обходят,
К месту невидимому правят,
Путь – дорогу стрельцам показывают,
Царский указ исполнить помогают.
Сколько-то времени плыли?
Сколько-то времени на воду глядели?
Только повернули царские рыбы направо
И уткнулись плоты в прибрежный камыш.
В прибрежный камыш, да в камешек-голыш,
Ну, а волжские рыбы, рыбы царские,
Хвостами стрельчатыми взмахнули,
Воду Волжскую всплеснули
И ушли в глубины речные
В глубины речные неизвестные.
А с берега плоты увидали,
Плоты к берегу привязали,

Стали брёвна из воды вытаскивати,
Стали плотники из них город собирать,
Стали стены ставить и церковь рубить,
Стали церковь рубить с колоколенкой,
Чтоб был слышен звон далеко окрест.
А на церкви той установили крест.
Православный крест с перекладиной,
С перекладиной да откосинкой.
А за месяц град да построили,
И за сорок дней обустроили.
Обнесли град стеною высокою,
Построили башни с бойницами
И назвали ту крепость Саратовом.
По той реке по Саратовке,
Что берег Волги промывает,
Да в волжские воды впадает.
Рыбаки про ту реку сказали,
А ушкуйники подсказали.
Князь с боярином согласился,
Звучным именем умилилися.
Имя громкое, имя славное,
Граду-крепости подходящее.

А в Саратове гусли играют,
А в Саратове коробейники ходят
На плечах коробки с товарами носят.

Продают бусы византийские,
Да ковры продают персидские
А пряностями потчуют хорезмийскими,
А песни поют русские
Песни русские да гусярные.

А по – над кручами правобережными,
Между градом-крепостью Саратовом
Да между городом-крепостью Самарой,
Между городом-крепостью Царицыным,
Да между городом-крепостью Саратовом
Летала вещая птица Гамаюн.

Птица вещая восьмикрылая,
С лицом белым человеческим,
А ногами чашуйчатыми звериными.

Птица летала,
Человеческим голосом кричала:

– Здесь градам стоять,
Землю русскую охранять!
Здесь градам стоять,
В них железо ковать!
Здесь градам стоять,
Со всем светом торговать!
А как время пройдёт,
Да водой утечёт –
Не быть заставам на Волге-реке,

Не мочить стрельцу в ней своё копьё.
Уйдут заставы за Угорский камень,
За Угорский камень, где солнце встаёт.
Где солнце встаёт, земле свет даёт.
И расширится земля русская.
И дойдёт она до окиян-моря.
А я буду по берегу окиян-моря летать,
А я буду в окиян-море ноги мочить,
И на скалах приморских сидеть,
И на волны глядя вещать.
Буду вещать и Дарьюшку вспоминать,
Душу светлую, душу честную,
Да со смертью обручённую.
А Саратову – на берегу стоять,
В волны буйные на реке глядеть.
И не быть уже градом-крепостью,
А быть ему вольным городом.

А Саратов град по сей день стоит,
А Увек его многи тайны хранит.

2012 год

Сказка о Глебучевом овраге

1

Я сужу, что это сказка;
А быть может и не сказка;
Говорят, что это былъ,
Только лет осевших пыль,
Те события покрыла,
И от нас нещадно скрыла
Судеб тех переплетенье;
То, чем жили поколения,
Этак, триста лет назад;
О чём записи молчат.

Был ли я там, или нет? –
Сам ты дашь себе ответ,
Я же расскажу тебе
О таинственной судьбе,
Об истории далёкой,
Может где-то и жестокой,
Где весёлой, где смешной,
Расскажу, на что рукой,
Можно просто бы махнуть,
Но, нельзя не помянуть...

Про Саратов расскажу,
Нитку с ниточкой свяжу.
Загляну за много лет,
В сих стихах сокрыт секрет—
Зарифмованный в них сказ,
Это – даже не рассказ,
Не простое ума знанье,
Это, друг мой, – величанье,
Величанье старины,
Той, откуда родом мы.
С старины той родом сказки,
И загадки и отгадки,
Имена, названья мест,
Рек, озёр, и гор окрест?
Каждый малый буерак
Назван ведь не просто так.
Почему так названа –
«Соколовая гора»?
Или «Глебучев овраг»?
Времени сокрыл то мрак.
Ходят разные тут толки.
Слышал я, как будто волки
Дитя малое украли,
(Его Глебушкою звали),
Унесли в овраг крутой
Весь заросший лебедой,

Исполинскими древами
Да мохнатыми кустами.
Смельчаки в него ходили,
Но, дитя не находили,
Ни одежды, ни костей
Ни каких его вещей.
Видно, то были не волки.
Были и такие толки –
Нечисть мальчика взяла
И в овраг тот унесла
Обернувшись там зверьём
Пребывая в зле своём.
Только с той поры в овраге
От огромнейшей коряги
Раздавался детский плач –
А дитя-то... не вида-ать!
Мать с ума сошла от горя,
Всё ходила имя вторя:
«Глеба..., Глебушка,... сынок!
Ты родной мой голубок!
Ну откликнись ... закричи!
Только, милый, не молчи...»
Ровно год с тех пор минуло –
Под обрыв она шагнула,
С кручи в пропасть сорвалась.
Вот какая была страсть.

Говорили: «Глеб позвал»,
Только кто же то знавал?
В общем, с той поры народ
Овраг этот так зовёт,
В память сгибшего мальчика.
Многие с тех пор ветра
Прошумели над обрывом.
И обрыв тот тоже смыло.
Стал он низок и полог.
Вот такой тому итог.
Позастроенный домами
И засаженный садами,
Стал овраг совсем иной.
В нём не слышен волчий вой.
В нём тропинки и дорожки
Цветников красивых брошки,
В трубах там вода журчит
Под покровом толстых плит.
Глеба люди не забыли,
Центр красивый там открыли.
Место памятнику есть,
Вот такая Глебу честь.
Был овраг, и нет оврага,
Уж, какая там коряга
Просто низменность теперь
А оврага нет, поверь.

Рядом с ним гора крутая.
То история другая,
Это давние дела,
Но жива ещё молва,
Вот об этой-то горе
И поведаю тебе.

Сказка о Соколовой горе

Обещал сказать, скажу!

Всё как было расскажу.

О горе и о судьбе

Я поведаю тебе.

Ты меня, малец, послушай,

Да речей моих откушай,

Слов на веру не бери,

А умишком рассуди.

Был тогда Саратов мал,

Ты его б и не узнал,

Если б вдруг попал в него.

Так почти что ничего

От того и не осталось,

Разве, если только, малость.

Был он, правда, не такой,

Маленький, не суетной

Он не знал автомобилей,

Самолёты не кружили,

Не пытели корабли,

Ни чужие, ни свои;

К Волге жался между гор,

А вокруг него забор –

Колья выстроились в ряд,
Остриями вверх глядят,
Тротуары из досок,
Да бревенчатый мосток,
Через топкий буерак...
Вот и весь его размах.
Домик к домику, рядом,
Пробираются холмом,
До горы же не доходят
И порядком к Волге сходят.

Город лесом окружён,
Жили-были тогда в нём
Мастера и мастерицы,
И другого званья лица,
Быстро всех не перечеть,
Кому слава, кому честь.
Нам же все и не нужны,
Что для сказа – те важны.
И ещё для нас важна –
Соколова гора.
Место дикое, не спору;
Край горы той лес, что море;
К Волге – глинистый обрыв;
Ниже – оползня наплыв.
Люди в гору не ходили;

Место под горой селили;
Да кому была нужна,
Эта дикая гора?
Разве только что на срубы
Дубьё брали лесорубы,
Глубже в лес не заходя,
Опасаяся зверья,
Что ночами дико воет;
Лес стоглавый ветром стонет,
А над самою горой,
Сокол кружит день – деньской,
В землю, вглядываясь в оба;
Вам скажу о нём особо.
Наш не кончен ещё сказ –
Слышен соколиный глас,
Над высокою горой.
Страшновато там порой
Видеть сокола в гнезде,
Да с костями на траве,
Под разбитым громом древе.
Говорят, что юной деве
Птичий царь спастись помог; –
Лиходей силён, жесток,
Нет, не выручил клинок,
Сам костями в землю лёг,
Но об этом по порядку,

В этом кроется отгадка,
Той истории – века.
Ты не торопись пока.
Сказ про сокола, гляди,
Ещё будет впереди.
И не всё там было гладко.
А пока, что мирно травку,
Козы щиплют у горы,
Ну а ниже – табуны,
В Волге воду, скалясь, пьют
И копытом волны бьют.

Коз тех девушка пасёт
И веночек себе плетёт.
Каждый день она из града
На лужайку гонит стадо,
Впереди козёл идёт,
Бородой седой трясёт,
А козлятки – прыгунки
Скачут наперегонки.

О пастушке сказ особый,
Он для нас с тобою новый,
А для времени того –
В общем, каждый знал его.
Дуней девушку ту звали,

А Дуняшей окликали.
Дуня личиком бела
И, конечно же, умна.
На лице глаза большие,
Как озёра голубые,
Зубки ровны жемчугом
И коса при всём при том.
Спрячет зубки, улыбнётся
Сердца таинство коснётся,
Но не каждому она
Улыбалась как весна,
А ждала – кого полюбит,
Знать, того улыбка будет.

В церковь девушка ходила
Бога в церкви той молила,
Чтоб была судьба легка,
Чтоб иметь ей жениха,
Не скупца, ленца какого,
А душевного младого,
Работящего, с простых,
Чтоб была любовь у них.

Коз, когда она пасла,
Кружева ещё плела
И скажу я тут же вам,

Кружева те – зависть дам,
Есть, глядя чему дивиться,
Одно слово – мастерица.
Хоть была она видна,
Но, однако же – бедна.
Не умела выражать,
И большие деньги брать.
Кружева купцам сбывала,
По дешёвке отдавала.

Часто пела на пригорке,
Платье длинное со сборкой
Подбирала под себя,
В руки свистушок брала,
Что сама же и слепила
(То, тогда было не диво
С глины свистунов лепить,
Дивны трели выводить).

Козы в круг её сберутся
Друг о дружку шеей трутся
И рогами не трясут
Тихо так себя ведут.
Смотрят, музыке внимают,
Вот животные, а знают,
Что такое красота,

В старом слоге – лепота
Вожак тоже подойдёт
Бородой седой трясёт,
Выкатит на звук глаза,
А из них, того – слеза
Понимает бородатый,
Седой, старый, узловатый
Звук такой, не суета,
И не хлопанье кнута
Средь оврагов и равнин
Он один лишь господин.
Хочет – птицу остановит,
Хочет – волк в трущобе взвоет,
Если вечером смотреть,
Мёду ей несёт медведь,
Горшок ставит на пенёк,
И от сладости чуток,
Дуне тихо подпевает,
То – ли пасть лишь открывает,
Знать, та нота высока,
Для большого медвяка.

Дуня очень птиц любила,
Пташек с рук она кормила,
Те слетались со сторон
И садились на ладонь,

Чтобы крошек поклевать
И ещё – пощебетать.

Сокол тоже там кружил,
Он неподалёку жил,
На дубу в большом гнезде,
На той самой на горе.
Дуб огромный, в три обхвата;
В нём дупло, почти как хата;
Если что-то постелить,
То возможно даже жить.
Говорят в нём жил отшельник,
За народ большой молельник;
Беглый каторжник живал,
Свою голову спасал,
Да замаливал грехи,
Те, знать, были нележки;
Когда сокол гнездо свил –
Больше в нём никто не жил.
Чтобы не было печали –
Звери дуб тот обегали;
Не жилище он синиц –
На дубу живёт царь птиц.
В общем, так молва гласила,
Как же всё по правде было,
Знает только дуб один,

Того леса господин.
А про сокола, гляди,
Будут строки впереди.

Этот сокол день-деньской
Над пастушкой молодой
В небе голубом парил,
Над горою той кружил.
Только люди замечали,
Птахи с рук не улетали,
Если сокол в небесах,
И не прятались в кустах,
А клевали мирно крошки
На Дуняшиной ладошке.

«Знать красавицей дивится, –
Говорили люди, – птица,
Просто так кружить не будет,
Если кто не приголубит».

Замечали ещё – птица,
К Дуне на трубу садится,
То не сокола приём,
Он не галка, чтоб на дом,
Среди бела дня спуститься.
С гладу можно помереть

Если на трубе сидеть.
Ну, а Дунюшка смеётся:
«Сокол в руки не даётся,
И зачем ему девица?
Ему ближе соколица».

Тут в умах пошли броженья,
Пересуды, толки, мненья:
«Кошек всех пораспугал,
У соседки пёс сбежал.—
Что за прихоть, что за блажь?
Не любовь ли тут подчас?»
А сосед – охотник старый,
И добавлю я – бывалый,
Тут затылок почесал
И народу так сказал:
«Что, иль невидаль какая?
Сокол, знать, душа живая,
Его тайна не про нас,
Он не обижает вас,
Вот и нечего судить,
Что и как в кругу рядить,
Не мешает никому,
Не крадёт цыплят в дому.
Пусть летает, не беда
Лишь воронам маята.

Сосед-сокол им не нужен,
Эвон как, собравшись, тужат
И гадают меж собой,
Как прогнать его домой
В лес, подальше от людей
И от вольницы своей.
Знать чернявые боятся –
Можно с жизнью расстаться,
С ним не будешь так шуметь,
С высоты на всех глядеть,
Передразнивать прохожих,
Языком на их похожим.
Или что-то воровать,
Всходы на грядках щипать.
Вот к кому претензий много,
Ну, а вы всё: «Сокол – сокол».
Люди норы поуняли,
Пенять соколу не стали.

А по осени в Саратов
Прибыл парень неженатый
Коробейник молодой,
Да с коробкою большой,
Из которой, он немало,
Пораспродал здесь товару,
День по улицам ходил,

Прибаутки говорил,
То похвалит сарафан,
То платочек, то кафтан,
То подарит вдруг игрушку,
Иль какую безделушку,
Карапузу лет пяти.
Мимо было не пройти.
Парень ладный, статный, видный
И имеет куш солидный,
Своё дело у него,
Звали Фёдором его.
И однажды в день торговый,
Приодев картузец новый,
Вышел Фёдор продавать,
И товар свой предлагать.

От зевак прохода нет,
Будто собрался весь свет,
А тут, на тебе, возок
Бегут кони со всех ног,
Кучер с облучка встаёт,
Кнутом машет и орёт:
«Сторонись с дороги, люди,
Кто успеет – живым будет,
А не ловок, не шучу,
Лошадьми затопчу!!

Дай проходу! Сторонись!
Не забудь же, поклонись.
Развели тут балаган...»
(А в возке том сотник пьян).

В общем, как тому случиться,
Нашей Дуне тут явиться
Пред конями, Бог послал,
Или кто её наслал?
В общем, дева растерялась,
Вся в комок от страха сжалась,
Ноги с места не идут,
Ну а кони с храпом прут.
А подруженьки девицы,
Уж закрыли в страхе лица –
Сейчас Дунюшку сомнут
И по ключьям разнесут.
А толпа, как онемела,
То нешуточное дело.
Знают сотника – Демьяна,
Кучера его Ивана;
Лучше им не попадаться,
Можно с жизнью вмиг расстаться.

Вдруг с толпы зевак большой,
Коробейник молодой,

Моментально выступает,
Короб на́земь он бросает,
Бусы, серьги по траве,
А он виснет на узде,
Повод кожаный сжимает
И лошадок умирят.
А те с пеной на губах,
Ошалелостью в глазах,
В сбруе на дыбы встают,
Сталь удильную грызут,
Рубят воздух копытами,
Но смиряются вожжами.
Парень Дунюшку берёт,
Поднимает и несёт,
От возочка и коней,
Просто жизнь спасает ей.
Ну, а сотник этот спьяну,
Кучеру кричит, Ивану:
«Встал чего? Давай, гони!
На зевак же не гляди!?»
Лихоманка чтоб взяла...»
И выходит из возка.

Сотник давит, то не ново
Расскажу о нём особо,
Без него и сказа нет,

Вот каков его портрет:

В молодом Саратов-граде,
Сотник жил и при параде
Бороду усы носил
Молодых девиц любил.
От бесчинств его, вина
Пострадала не одна.
Девушки его боялись,
А, завидев, разбегались.
Слали жалобы царю,
Самому государю,
Но и славные цари,
Здесь управы не нашли.
Парни за невест вступались
Укротить бойца пытались,
Даже по трое брались –
Их укоротилась жизнь.
Иль дрались они н смело,
Или саблей не умели
Хорошо в бою владеть,
Но историй тех не счесть.

Этот сотник, когда пьян,
Дерзок был и хулиган.
Если дева приглянётся,

Ни за что не отобьётся,
А в народе говорится:
«Сколь верёвочке не виться.
Но, настанет ей конец».
Вот таков был «молодец».
В общем, так всё и случилось,
Да с годами всё забылось;
Нам же надо вспомнить,
Жизнь в историю вдохнуть.

Ну, а сотник, вот напасть,
Кому, видно, не пропасть,
Видит молодец идёт,
Деву на руках несёт.
Дева, сущая краса,
По земле её коса,
Змейкой русою струится.
Ахнул сотник: «Сон ли снится?
Девы не встречал такой,
За стеною городской.
– «Кучер! Всё о ней узнать,
Расспросить и рассказать.
Прежде, кто она такая?»
– «То пастушка молодая,
Дуней в городе зовут,—
Отвечает кучер тут.—

Она, знать, с простонародья,
Не годна для благородья».

– «Цыц, указчик и советчик;
Я ли, пред тобой ответчик?

Сам в сем деле разберусь,
Ну, а парень, что за гусь?» –
Сотник снова вопрошает.

– «Коробейника всяк знает –
Отвечает борода, –
Он торгует здесь всегда.

Что сказать о молодце,
Короб носит на плече,
За ним девушки гурьбой,
Парень красный, молодой,
Из столицы как-никак,
И не ломится в кабак.

Как в такого не влюбиться,
С рук его принарядиться».
– «Хватит! – рассердился сотник, –
Я смотрю – болтать охотник.

Нечего мне в уши дуть;
О чём спрашивал – забудь».

Много ль время пролетело,
То совсем не наше дело.
Только парень молодой

Стал пастушке друг большой.
Ну, а наш вояка бравый.
Как известно, разудалый,
Всю весёлость потерял
И с лица как будто спал.
Всё узнал он о девице,
Что у этой молодежи,
Та, что коз в лугах пасёт,
К свадьбе дело уж идёт.
И до свадьбы молодых,
Лишь остался один чих.

Ну а как же сотник наш?
Сотника скрутила блажь.
Он сидит и трубку курит,
Смотрит в землю, брови хмурит.
Планы строит, крест кладёт,
Разговор с собой ведёт:
– «Как он смел, паршивец дрянный,
Иль не знает, окоянный,
Что жених пастушки – я?
Лезет, сам себя губя.
Видно хочет опозорить,
Дескать, что мне не поспорить
Даже с сотником самим,
Не сыграть в игрушку с ним?»

Дескать, на меня плевать,
А девицу в жёны взять.
Пусть хихикает народ,
Меня чучелом зовёт».

Сотник места не находит,
Злой как волк по граду ходит
Кучера к себе завёт,
Разговор такой ведёт:
–«Ванька! Слышишь ты меня?!
Всё случится в си три дня,
Без пастушки мне не жить,
Подскажи же, как мне быть?
Как девицей завладеть,
Чтоб женой её иметь?
Ни наложницей какую,
Ни прислужницей простою,
Чтоб хозяйкою была,
Дом, хозяйство бы вела?»

Кучер с места круто взял:
–«Ты тут барин опоздал
Если силою возьмёшь,
То любви ты не найдёшь.
Я хоть больно не мудрец
Вся, причина – молодец.

Если сможешь до венца
Убрать в землю молодца,
То тогда другое дело,
Девку эту возьмёшь смело,
Только не скажу что сразу,
К ней за кольную ограду,
Надо будет походить,
Стать женой уговорить».

– Так, а как же с ним мне биться?

Он не воин, чтоб сразиться,
Сабли сроду не держал,
Разве только продавал
Малолеткам бубенцы,
А девицам леденцы...

–Чтоб не быть здесь в дураках,

Ты сойдишь на кулаках, –
Отвечает кучер Ваня, –
То-то будет хлопцу баня,
Кулаки – то не укор,
Всяк имеет, не позор.
При народе с ним сойдишь.
Земле, солнцу поклонись
Да и бей, чтоб наповал» –
Вот такой совет он дал.

– Ты, Иван, с ума что ль спятил,

Чем с утра глаза ты застил?
С мужиком!? На кулаках?!
Биться будем на клинках!
Чтоб марать мне кулаки!!
Для чего тогда клинки?!
Распорю ему живот,
Пусть подумает народ:
«Встать ли на моём пути,
Если можно обойти?».

Так почти что и случилось,
Только дело провалилось.
С женихом он сталь скрестил,
И, конечно же, убил.
Ну а Дуня от испуга,
(Потеряла больше друга),
В лес высокий подалась,
В самую чащу забралась.
Чтобы звери растерзали.
Очевидцы так сказали,
Потому что ей милей
Жизнь закончить от зверей,
С места, дескать, не сойти,
Чем за сотника идти.

В чаще слышен стон летучий,

Над древами бродят тучи,
Дождик каплет, шум стоит,
Из-за веток мрак глядит.
Хохот чей-то раздаётся,
Слышен плач и сильно бьётся
Сердце Дунино в груди,
Что там в чаще, впереди?!
Лесовик ли за древами?
Иль кикимора за пнями?
Чей там слышен скрип и стон?
Кто крадётся со сторон?
Око жёлтое мерцает,
И смеётся, и рыдает
Филин в морщенном дупле,
На карёжистом стволе.

Дальше вот что с нею стало –
Дуня в обморок упала.
Сколько времени прошло,
Того не ведает никто.
Лес лишь знает, в это время,
Волк, вот кровожадно племя,
Рядом в чаще той бродил
И на Дуню наскочил.
Увидал, клыки оскалил,
По ноге хвостом ударил,

Шерсть от злости поднялась...
Злая воля, злая страсть
Закипела в лютном звере
Каждый мускул в сильном теле
Дрожь прошла от любви
К страху жертвы и к крови.
– «Вот оно – судьбы везенье»
Только серого решенье –
Дуню в чаще растерзать,
Укротила птицы страсть.
Когти впились в спину зверя.
Волк от боли взвыл, не веря –
В близкий собственный конец –
На спине-то соколец.
Сокол бьёт его крылами,
Спину рвёт его когтями,
Клювом серого слепит
Око яростью горит.
Сделал волк последний вздох,
Пал на землю и издох.
Сокол к Дуне подлетает
И за платье поднимает
Он девицу в небеса.
И несёт её туда,
Где огромный дуб стоит,
На ветвях гнездо лежит.

Сокол к дубу подлетает,
Наземь деву опускает,
Бережно на мох кладёт.
Но девица не встаёт,
Глаз она не открывает,
О случившемся не знает.
Сокол к Дуне здесь подходит,
По лицу ей клювом водит,
Крылья в Волге намочил,
Дуню влагой окропил
И девица тут очнулась,
Просто, будто бы проснулась,
Видит, сокол у груди,
Перья пятнами, в крови.
Видит Дуня дуб высокий,
В дубе том проём глубокий.
Дуня на ноги встаёт,
И к дуплу в стволе идёт.
В нём на мох она ложится,
Стережёт её царь-птица.

С той поры в лесу она
Стала жить совсем одна.
Всем нам ясно – без людей.
Возвращаться в город ей,
Страшно, сотника боится.

Леса менее страшится.

Дуня ночь в дупле проводит,
Днём в гнездо по веткам всходит,
В нём с цветов венки плетёт,
Из полёта птицу ждёт.
На охоту провожает,
Перья в крыльях расправляет,
Машет вслед ему платком,
А потом грустит о нём.
И мне кажется она,
Полюбила летуна.

– Враки!?! – Может быть и врут?
Но, а я хотел, чтоб тут,
Памятник любви стоял ;
Сокол бронзовый взлетал;
А внизу его девица,
Мастерица и певица
С непокрытой головой
Махала соколу рукой;
И, прости меня, читатель,
Ты ведь тоже, друг, искатель
Чистой бережной любви;
Я отвлёкся – не кори;
Продолжаю дальше сказ;

Он, конечно, не про нас.

Сотник в это время тужит,
По лесам в округе кружит,
Ищет он дивчину Дуню,
И готов пустить он пулю
В тех, кто встанет на пути,
Дуню надобно найти.
Рвёт одежду, лезет в чашу.
Вот ведь вышла незадача
Дуб огромный на пути,
Ни проехать, ни пройти.
Посреди дупло большое.
Десять человек укроет.
Заглянул в дупло – она!
– Дуня! Дуня! – тишина.
– Дуня! Ты ли! Слава Богу!
Я нашёл к тебе дорогу!
Сотник выкрикнул, взойдя,–
Пожалей, краса, себя.
Ты подумай о себе,
Я ли не жених тебе?!
Я богат, красив и строен.
Тебя разве не достоин?
За тебя сражу любого,
Молви, Дуня, только слово.

Сразу нынче под венец.
Я, Дуняша, не скупец.
Будешь в бархате ходить,
Будешь золото носить:
Бусы перстни и браслеты,
И не слушай ты наветы.
Зависть движет языки.
Языки на зло легки...
Тут Дуняша восклицает:
– Ах, моя душа страдает!!
Нету Феди-продавца,
Нету милого лица.
В сердце пусто без него...
Мне не надо никого.
А тем паче, перстней, злата
Я ведь им была богата.
Я ведь счастлива лишь с ним
С коробейником моим.
Пусть убит он, пусть в земле,
Но его душа во мне
И другой – там места нет,
Вот убийце мой ответ.

Усмехнулся сотник криво:
– Нет, так нет, сие не диво.
Понимаю я тебя,

Понимаю и себя...
Будет всякий насмехаться
И при мне за бусы браться,
Серьги трогая в ушах,
С чертовщинками в глазах.
Не достанься никому,
Коли ты верна ему.
Зря я только вопрошал...
И вонзил ей в грудь кинжал.
Дуня охнула, упала.
И, упавши, прошептала:
– Сокол!..сокол!.. ты прости.
Строго Дуню не суди...

Сотник тут дупло покинул,
Трубку из кармана вынул,
Он уверовал в везенье
И, конечно, нападенья
Сверху он не ожидал;
Зря лишь саблю обнажал.
Два могучие крыла;
Когти молодого льва;
Тень зависла над тропою;
Жалкий вскрик подобен вою;
Клич воинственный с груди;
Что там стало? С высоты,

Видно только пух кружит
Труп распластанный лежит;
Сокол весь в избытке сил,
Клюв на жертву наострил.
Здесь он царь, судья и воин;
Он отмститель и достоин
Уваженья и похвал.
Это место я знавал.

Сокол к девушке подходит
По лицу ей клювом водит,
Что-то тихо говорит,
А перо его дрожит.
Он по Дунюшке горюет,
Он по Дунюшке тоскует.
Ветер в небе поднялся,
Ветер в чашу подался
И завыл там в страшном горе
Будто дикий зверь в неволе.
Туча к лесу подошла,
Туча наземь прилегла.
Вот она сейчас вздохнёт,
Горе в землю изольёт,
Побегут ручьи в тоске,
К Волге-матушке реке
И поднимется волна

Тяжкой грустию полна,
И затопит берега
На лета и на века.
Сокол девушку берёт,
Сокол девушку несёт.
Вот тенисты берега,
Вот под ним уже река,
И внизу у пены вод
На волну её кладёт.
И парит на месте том,
День за днём
И день за днём.

– Ну, а птица, что же с ней?
Я скажу тебе о ней:
Сокол в небо поднялся;
Сокол грустью налился;
Не милы ему просторы,
Небо, голубые горы,
Волги бережный разлив,
Колыханье спелых нив.
Дуню птице не вернуть,
Лучше вечным сном заснуть.
Сложил крылья и стрелой,
Падать стал к земле родной,
Чтоб у чёрной той земли,

Вечный свой приют найти.

С той поры немало лет
Утекло. А божий свет
Помнит драму на горе,
Кто покоится в земле.
Люди песнь о том сложили
Новы гнёзда птицы свили,
Славу соколу поют.
Гору в честь него зовут,
«Соколовой» величают,
Все в народе её знают.

Прозревая же года,
Я скажу – любовь свята
И как будто бы во сне
Вижу памятник в горе –
Дуб из бронзы, величавый,
В нём проход в дупло немалый,
Дева у дупла стоит,
Устремлено вверх глядит.
На носочках, босы ноги,
С крутизны видны отроги,
В пальцах плат над головой,
Машет бронзовой рукой.
А на дубе в вышине

На коряжистом сучке
Сокол крылья размахнул,
Голову чуть-чуть пригнул.
С сука он готов сорваться,
Над обрывом распластаться,
В струях воздуха парить
И полётом славить жизнь.
Ветер бронзою шуршит
И листвой больших раки.
К древу юноши приходят,
С собой девушек приводят,
Чтоб судьбу предугадать
Иль желанье загадать.
Там стихи они читают,
Серебро в дупло бросают,
Под гитарный звон поют,
Своей жизнью все живут.
Может быть не так всё будет,
Как всё будет – жизнь рассудит.

Баллада о соколах

Я всё думал – «напишу»;
Не сложилось – так скажу;
Может частью неумело;
Вот как это было дело –
Майский вечер настаёт;
Бабка Вера коз пасёт,
И с пастушеской сумой
Правит их к себе домой.
Пейзаж этот здесь привычный.
Собеседник мой обычный –
Школьных лет один – малец,
Да его ещё отец;
Дед пришаркал, сел рядом
(С пустым мятым рукавом),
В тике дёргает ногою;
Отгоняет дым рукою;
Каждый день он здесь сидит
И медалями звенит:
За Одессу, за Варшаву,
Чуть повыше вижу «Славу»;
Рядом с «Славою» «Звезда»,
Ну, а дальше борода
Золотистый ряд скрывает,

Что под нею, я не знаю;
Ясно только – дед – герой
И совсем, увы, больной;
Слаб глазами, очки носит;
Если вдруг его кто спросит:
«Дед, тебе годок какой?»
То ответит: «Ще живой.
Год у нас у всех один,
Кто сражался за Берлин».
Мы к нему, мол, одолжи,
Про медали расскажи.
Вроде знаем мы тебя,
А за что медаль твоя?
Мы, того не разумеем;
Так лишь, попросту, глазеем.

Ждать себя дед не заставил;
В уголок костыль поставил;
Стряхнул пепел с рукава;
И сказал: «Были дела-а...
Что под Пештом, что под Прагой,
Всё бралось большою дракой;
Бились танки, бились люди,
Плавились стволы орудий;
Самолёты в облаках
Разлетались в пух и прах;

И средь этой кутерьмы,
Были ведь не только мы...».
И осёкся, было видно,
Что ему, как будто стыдно,
Иль неловко за людей.
Что-то вспомнил видно в ней,
В той войне, что зрит ночами,
Что повисла за плечами
И чем дальше те года –
Всё отчётливей видна.

«Что ж, историй всяких много, –
Дед сказал, – война не ново,
Но, скажу я за друзей,
За животных, что на ней,
Не по их совсем вине
Оказались на войне».
Помолчал, собрался с духом, –
«Земля крылась даже пухом,
Ладно, уж страдали мы,
А причём же здесь они?
И скажу вам в разговоре,
Были и средь них герои.
Вам поведаю о птице,
Так тому было случиться,
Я на «Яке» здесь летал,

Мост железный охранял;
Потому, как не крути –
Мог он целый фронт спасти.
Те мосты, что ниже были,
Немцы начисто разбили,
А Саратовский – стоял;
Немец сильно лютовал.
Ведь, минуя все заслоны,
К фронту двигались вагоны,
А в них люди, танки, пушки;
То не детские игрушки.
По мосту на Сталинград
Их везли не на парад.

Дело, было, помню, летом,
Вот гляжу, перед рассветом
Командир в блиндаж идёт
И приказ нам отдаёт:
«Вылетать, как солнце встанет.
Только луч его достанет
Леса на большой горе –
Вы уже не на земле;
Над Саратовом кружите,
Мост от фрицев сторожите.
А тебе (знать мне), приказ:
«Ты у нас, Ванюша, АС,

Тут задание особо;
Только ты гляди брат в оба;
Без ведóмого пойдёшь.
Верю, что не пропадёшь.
Поднимись на высоту –
За предельную черту,
Чтобы враг те не заметил,
Ну а ты бы фрица встретил,
Что решит пройти тайком.
Почерк нам его знаком –
Прокрадётся тихой сапой
И когтистой стукнет лапой.
Жди его на высоте,
И высматривай везде.
В небе хоть оно не тесно,
Немец любит одно место:
Ориентира сразу два –
«Соколова гора»,
Крест над церковью, золотой;
Там столкнёшься с немчурой.
Немца, обнаружив, сбить,
И к мосту не подпустить».

Вот взлетел я; солнце низко,
Та гора – совсем уж близко;
Пррезаю облака;

Скрылась подо мной река;
Вот уж я над облаками,
Над воздушными снегами;
Захожу я от светила,
Чтобы видно лучше было;
Тут же замечаю точку,
Но не вижу оболочку,
Нет винта и фонаря,
То привиделось, знать зря;
Явно здесь не самолёт;
В небе кто-то же плывёт?
В точке сокола узнал;
Крылья в небе распластал;
Впереди меня кружит,
Будто небо сторожит.
Знаю, он – летун отменный
И отваги беспримерной;
Да, красив его полёт,
Только он не самолёт;
Не крепка с пера броня;
Знать, родимый, кружишь зря;
Улетел бы для порядку;
Попадёшь ведь в перепалку;
Хоть летун ты и хорош –
Ни за что ведь пропадёшь.
Вот появятся здесь фрицы,

И такое заварится!
Даже бес сам не поймёт...
Тут, гляжу я – самолёт...
Нет, не свой, чужой, оттуда;
Под своего косит Иуда;
Воздух рвёт, гребёт винтами;
Тут я соколу крылами
В знак опасности качнул,
Штурвал малость повернул;
Я ему, а он, брат, мне;
Попрощались в вышине,
В небе быстро разошлись,
Я на немца, а он ввысь.
И могу сказать сейчас,
Немец был из Асов АС,
Ну и я не так уж прост,
Чтоб железо поймать в хвост.
Он на горку
Я под горку,
«Мессер» вверх – я в отворот;
Не подставить, чтоб живот.
Пулемёты небо режут,
Мысли в голову всё лезут:
«Где же сокол, что там с ним?
Что с товарищем моим?
Вдруг, убили мою птицу?»

Чтоб им было не родиться!», –
Только так подумал я;
Осмотрелся – мать моя!
Вот он рядом, клюв серпом;
Когти острые крючком;
Повторяет мой вираж
И идёт на абордаж.
Ай, да сокол, ай, да птица!
С толку сбил, похоже, фрица –
Немец бьёт по птице влёт;
Накреняет самолёт;
Перья в воздухе кружатся»
«Если драться, так уж драться.
Это небо не твоё –
Соколиное, моё;
Там, где кружат три пера –
Соколовая гора,
А на ней ориентир,
Дуб с гнездом стоит один,
Отражается в воде,
С соколицей на гнезде».
Ну а немец в этой схватке,
Про меня забыл порядком;
Нажимаю на гашет–
Порчу «мессеру» портрет.
Вижу фриц, того, дымит,

Но ещё во всю летит.
Он ведь тоже не сплошал –
Мне обшивку искромсал;
Самолёт не годен к драке –
Нет ни скорости, ни тяги,
Носом попросту клюёт;
Вот последний мой заход,
Разворот и доворот;
Друг за дружкою следим;
Нет патронов – в лоб летим;
Приближаемся друг к другу...
И тут сокол мой по кругу,
Тоже делает заход;
Разворот и доворот.
Ай, да сокол, ну и птица,
Снова думает сразиться,
Только вес совсем не тот;
Лобовая не пройдёт.
Немец мне в глаза глядит;
Зубы скалит, паразит;
Вижу – он не отвернёт;
Знать, последний наш заход,
А внизу ориентиры:
От фугасов в земле дыры,
С высоты совсем мала
Соколова гора.

И посыпались с небес:
«Як» в песок по хвост улез,
«Мессершмитт» горит в овраге;
Я за стропы – нету тяги;
Камнем падаю к земле;
Да случилось счастье мне –
Немца ниже парашют,
А не он – то – Божий суд.
Тут уж, брат, не до смотрин –
Парашют на двух один.
Изловчился я как мог –
Хвать фашиста за сапог.
«Мне разбиться!?! Много чести»
А на землю – пали вместе.
Немец драться, он силён;
Говорили, что барон,
А я с раненой рукой,
Да со сломанной ногой,
Должен фронт в тылу держать,
Ведь нельзя же отступать.
Встал, дерусь я головой;
Тычу раненой рукой;
«Всё, – подумал я, – конец,
Отлетался молодец»;
Немец стропы отсекает;
Сапогом меня сбивает;

Вынимает пистолет –
«Вот и смерть в расцвете лет».
«Руссишь, – говорит, – капут».
Только, что случилось тут –
Ни сказать, ни описать,
Ни на пальцах показать.
Я лежу и смерти жду;
В дуло чёрное гляжу;
Офицер пружину взводит;
В переносицу наводит;
В небо я глаза отвёл;
Точку чёрную нашёл;
Сокол в небе надо мной;
Улыбнулся я, – «Живой!»
Да, конечно, это птица,
Только вот куда стремится!?
Вырастая на глазах;
Я мигнул, и слышу – «АХ!».
Вижу – немец на земле;
Сокол на его спине;
Когти в теле, клюв в крови;
Я ему кричу: «Дави-и-и!!!»;
Сам от радости не свой,
Немца бью рукой больной
И в азарте, сгоряча,
Выбил руку из плеча;

Глядь, рука, того, весит;
Из предплечья кость торчит.
Но, а мне не до неё,
Вот что значит бытие.

«Вспомнили б чего ещё?»,
Спросил школьник. – «В общем, всё;
Я сознание потерял,
В бреде «Сокол!» – всё кричал.
А очнулся, тут врачи:
Жгут, повязки, костыли.
Провалился я немало?
Мне сестра тогда сказала:
«Он над госпиталем был;
Целый день над ним парил;
Не дождался, улетел;
Как бы, что сказать хотел?»»

И тут лётчик для порядка,
Вдруг добавил: «То – загадка;
Птицы чувствуют подчас,
Что неведомо для нас;
А, гнездо – недалеко?
Я потом нашёл его –
Обожжённый дуб стоит;
Сокол на суку сидит,

А в гнезде там соколица –
Сильная большая птица,
Крылья, распутив лежит;
Тускло мёртвый глаз блестит;
Клюв агония свела;
Пуля мимо не прошла.
Я там долго тогда был;
Соколицу схоронил...
«Ну а сокол, он – то как!?»–
Мальчик за пустой рукав
Ветерана теребит
И в глаза ему глядит;
Будто по его вине,
Что он не был на войне
Там произошло такое...
«Сокол был, того не скрою,–
Тихо молвил ветеран, –
Не спеши, скажу, пацан. –
Сокол надо мной сидит,
На могилку ту глядит;
С дуба он не улетает;
Птица, птица, а ведь знает,
Что ему солдат не враг;
Говорю: «Спасибо, брат»,
Сам израненной рукой,
Глажу дуб мне дорогой;

Ствол избит очередями;
Слёзы катятся, брат, сами;
Достаю я вещмешок –
С соколом делю паёк
И веду беседу с ним,
С моим номером вторым.
Вот он милый, незнакомый,
А в бою том был ведомый,
Аса вовремя накрыл,
А не он – так я б не жил.
Сам, конечно, пострадал,
Соколицу потерял...
И дивилися бойцы –
«Птицы, птицы, а свои...
Понимают что к чему».
До сих пор я не пойму: –
«Как, откуда он взялся?
В высь такую поднялся;
Куда птицы не взлетают,
Гнёзд и самок не бросают,
Что случилось тогда с ним,
С моим номером вторым?
Появился ниоткуда,
На войне поверишь в чудо...»

«Да какая в этом тайность,

Так – военная случайность.–
Молвил тут мальчика отец,–
Рассердился соколец –
На мотор подумал – «птица».
Так чему же здесь дивиться?
Или сказка – так сказать,
Если людям рассказать».

После слов тех – лётчик сник,
И закашлялся старик...
–«Знать, не верите солдату,
А я сокола как брата
Навещаю каждый год,
И он вроде тоже ждёт.
Старый стал, летает плохо;
Время-то оно жестоко;
Посидим и помолчим;
В небо оба поглядим;
Вспомним бой: мотор ревёт;
Парашют к земле плывёт;
Перьев выдран с птицы клоч;
Я держусь за тот сапог;
А внизу ориентиры:
Церковь, мост, гора, могилы.
А для сокола ещё –
Дуб и на суку гнездо.

Мы остались, он ушёл;
Больше лётчик не пришёл;
И с тех пор уж не сидит,
Орденами не звенит,
Только бабка коз пасёт;
Не пуская в огород.

Видел я на месте том,
Точку в небе голубом;
В точке – сокола узнал,
По полёту угадал.
Тот ли?... нет ли?–
Как мне знать?
Лишь могу предполагать.
Я присел, и вдруг шаги,
Мальчик рядом, с под руки
В небо, как и я, глядит;
И губами шевелит.
Я ему мешать не стал.
А, что знаю – рассказал.

Былина о сказочных богатырях русских Скудельнике, Дубравнике и Соломенщике

Как на славной земле на Саратовской
Да в деревне Малая Крюковка,
Что стоит средь лесов высоких,
Что стоит средь оврагов глубоких.
Что стоит средь полей широких.
Лежит на печи славный русский богатырь.
Таких богатырей земля на себе не носила,
Таких богатырей земля на Руси не рождала.
Подвигов его ратных не считано,
Силушки в нём не меряно.
Потянется богатырь, так трубу своротит,
Шевельнёт плечом, так простенок отодвинет,
Обопрётся на локоть, так печка трещит.
И зовут этого богатыря Скудельником.
Спит на печи богатырь, поживает,
Никому жить-поживать не мешает.
Сороки его дом облетают,
Галки на крышу не садятся,
Потому, как храпа Скудельника страшатся.
А храпит Скудельник, так крыша шатается,

А храпит Скудельник, так печная труба качается.
И никто Скудельника разбудить не может.
Не могут разбудить, да и нужды нет.
Потому спит богатырь до времени,
Спит богатырь до часа богатырского.

Стоит же деревенька богатыря
Средь полей, лесов.
А в тех лесах древо-дуб растёт,
А по тем оврагам ручей течёт.
Выходит ручей из берегов крутых,
Из берегов крутых да суглинистых.
Из суглинистых да с камнями.
И впадают ручьи в речки малые.
Один ручей впадает в Большой Кольшлей,
Другой впадает в Малый Кольшлей.
А как третий овраг – он врагам всем враг.
У оврага берега крутые, глинистые,
А глина та особая, игрушечная.
А цветом та глина бело-серая,
На ощупь она мягкая, ласковая.
Из неё-то и слепил чудо-богатыря
Деревенский мужичёк-простачёк.
И обжёт в печи краснокаменной.
А потому богатырь ни огня не боится,
А потому богатырь ни меча не страшится.

Сделал его мужичёк-простачёк,
Чтоб чудо-богатырь леса мужицкие охранял,
Чтоб чудо-богатырь поля мужицкие охранял,
Чтоб чудо-богатырь деревни охранял,
Да деток мужицких на ум-разум наставлял.
Жил Скудельник в деревне припеваючи.
Дети его любили, мужички боготворили.
Потому, как он исправно своё дело делал,
Когда на печи не спал.
Тогда чужой человек к деревне подойти не мог
Не только с пикой, но и с топором да и с вилами,
Ребятишки росли в деревне ласковые,
Ласковые и покладистые.
Старших они уважали, родителей любили.
И всё бы хорошо,
Только с некоторой поры заснул богатырь,
А проснуться никак не может.
Веки ему мужики поднимали,
Холодной водой его обливали,
В доме зимой двери открывали, вымораживали,
Только спит богатырь не просыпается,
Сном богатырским наслаждается.

А та деревня Малая Крюковка,
Не одна стоит одинёшенька.
Вокруг неё всё деревни стоят

И живут в тех деревнях чудо – богатыри.
А в одной деревне живёт Дубравник,
А в другой деревне – Соломенщик.
Богатыри они удалые,
Скудельнику по духу братья родные.
Никого они на свете не страшатся,
Кони их никого не пугаются,
Мечи их никогда не тупятся.
А потому они не страшатся,
А потому их кони никого не пугаются,
Что стоят они на родной земле.
Родная земля им силу даёт,
Родная земля их храбростью насыщает.
А Дубравник – то лесной богатырь.
Произвела его дубрава тенистая,
И местность лесистая.
И силу дали ему дубы крепкие,
Дубы крепкие, неохватные.
Из тех дубов мужичок – простачёк,
Вырезал ножом чудо – богатыря,
Чудо-богатыря – Дубравника,
Чтоб покой охранял,
Свою землю защищал.
А Соломенщик, это брат его.
Не по крови брат, по призванию,
По призванию, единомыслию.

А сделан он из спелой ржи.
А ветрами ему силы дадены.
Силы крепкие, неослабные.
Главный же из богатырей, а их старший брат,
Что на печи лежит, богатырским храпом храпит.
И всё – то в деревнях ладно –
Мужики в поле работают,
Бабы по дому управляются,
А богатыри деревни охраняют,
Да детушек малых воспитывают,
Детушек воспитывают, пример показывают.
И всё так годами делалось,
Пока не пришёл в те деревни коробейник.
Коробейник по деревням с коробом ходит,
Кофты и платки показывает,
Про заморскую жизнь рассказывает,
Заморскую жизнь похваливает,
Заморскую жизнь приукрашивает,
Продаёт, не дорожит, бабам выгоду сулит.
Бабы кофты одели, бабы платки повязали,
Просят коробейника малых детушек побаловать,
Стариков и старух уважить,
Мужичков чем-нибудь ублажить.
А коробейник – то знать старается:
Стариков и старух уважил,
Мужичков картузами ублажил,

Да и деток-малолеток не забыл.
Тряхнул коробом коробейник -
Посыпались из него игрушки да сладости,
Игрушки чудные, невиданные,
Игрушки чудные, незнаемые.
Ни на что в деревне не похожие.
И ни с чем в деревне несравнимые.
Коробейник одних называет батуганами,
Других он кличет грантформерами.
У одних игрушек зубы торчат,
Другие игрушки одним глазом глядят,
Третьи игрушки – просто страшно сказать,
Страшно сказать, да и слов не подобрать.
Те игрушки все свирепые,
Те игрушки все надменные.
Жители сначала ужаснулись,
Про свои игрушки заикнулись.
Может мужички бы всполошились,
Может быть бабы бы надоумились?
Если бы не мужичок-сквознячок,
Телом сморчок, в работе слабачёк.
Он стал коробейнику помогать,
В батуганах себе выгоду искать.
Он батуганов похваливает,
Он жителям подсказывает:
– Ой, вы бабы, бабы деревенские,

С ухватом обрученные, вожжами наученные.

Где вам знать-понимать

И о бóльшем размышлять.

Привыкли вы в своём медвежьем углу

Детишек соломою да деревяшками забавлять.

Чему они от той соломы научатся?

И как они той деревяшкой воспитаются?

А богатыри наши самородные,

Только богатырями называются.

Нет в них ни форсу, ни стати,

Только и могут пиками землю ковырять.

У коробейника игрушки просвещённые,

Просвещённые игрушки, золочёные.

Из особых материалов сделанные,

Особой краской крашеные.

Игрушки самодвижные,

Игрушки самодумные.

Такого мы никогда не видывали,

О таком мы никогда не слыхивали...

Так мужики тех речей устыдились,

А бабы от тех речей прослезились,

Старики диву дались.

На особинку лишь один мужичёк-простачёк.

Ходит он на диковинки поглядывает,

На свой аршин их примеривает.

Малые же детушки в те игрушки играют,

Бабы деревенские коробейника хвалят,
А до богатырей своих им и дела нет.
Соломенщик стал от безделья подпревать,
Дубравник стал от лежанья подгнивать,
А Скудельник на печи похрапывает,
Сто первый сон досматривает.
И нимало не тревожится.
А тревожится лишь один мужичёк-простачёк,
Что чудо-богатырей сделал,
Что Скудельника из глины вылепил,
Что Дубравика из дуба вырезал,
Что Соломенщика из соломы сплёл.
А тревожится он не потому,
Что детки в богатырей не играют,
И не потому, что детки скучают.
Видит мужичёк-простачёк,
Что игрушки заморские расплодились,
Видит мужичёк-простачёк,
Что игрушки заморские утучнились.
Видит мужичёк-простачёк,
Что они из подчинения вышли –
Им слово – они насмежаются,
Второе слово – так дразнятся,
Третье слово – так с кулаками лезут.
И никто не может с ними сладить.
Заморские игрушки деток

Уму – разуму не учат,
А только всех задирают,
Да только всех оскорбляют,
А детки все их повадки перенимают.
От игрушек тех, так прохода нет.
А самый главный батуган
Над мужичком-простачком подшучивает,
Он над ним подшучивает, да его поддразнивает,
Да над богатырями русскими подсмеивается,
Он Дубравника гнилушкой называет,
А Соломенщику прелостью пиняет.
Смотрит мужичёк-простачёк, что плохи дела –
Батуганы деревни полонили,
Обманом и хитростью захватили,
А мужикам это на ум нейдёт.
Коробейник же всё новые игрушки несёт,
Мужичок-сквознячок их в деревнях продаёт.

Стал мужичёк-простачёк в колокол бить
Стал мужичёк-простачёк богатырей тормошить,
Стал их в латы рядить,
Да на войну с иноземщиной посылать:
– Вы пойдите, богатыри русские,
Богатыри русские, богатыри сказочные.
А вы побейте батугановы полки,
А вы побейте грантформерские полки,

Что землю русскую полонили,
Что народ наш закабалили.
Сила эта лукавством в деревни вошла,
Сила эта людям урон нанесла.
Мужички свои поля не пашут,
Мужички свои поля не сеют,
Нивы все травой заросли,
А скотину они всю повывели,
Детушки воспитываются не по правде и совести,
А воспитываются по силе и бойкости...

Богатыри в чисто поле выезжают,
В чисто поле выезжают, недоумевают –
В чистом поле рати вражеской не видят,
Храпа коней чужих не слышат.
В чистом поле богатыри палицами помахивают,
Мечами богатырскими позванивают.
Только никто с ними сражаться не выходит,
Только никто с ними меряться силами не идёт.
Стали они кричать, зычными голосами позывать:
– Гей, вы батуганы криволапые,
Гей, вы грантформеры поганые!!!
Выходите в чистое поле силою меряться,
Силою меряться, с нами богатырями биться!!!
Но никто в чистое поле не идёт,
Никто на голос не откликается.

Снова кричат Друбравник с Соломенщиком,

И снова тишина в ответ.

Третий раз кричат богатыри русские,

И вдруг слышат в ответ таковы слова,

Таковы слова батугановы:

– И чего вы в поле раскричалися,

А зачем нам с вами сражаться?

Мы деревни ваши и так полонили,

Мы жителей деревень ублажили.

Кроме наших речей,

Они никаких не слышат;

Кроме наших зрелищ,

Они никаких не видят,

И теперь в сладости поживаем,

Вина медовые попиваем.

А мужичок-сквознячок им вторит:

– Что вы, богатыри, расходились!

Или вина медового напился!

Живите себе скромнѣхонько,

Живите себе тихохонько...

Вас ли богатырей притесняют?

Вам ли богатырям жить не дают?

Тут богатыри русские возмутились,

Тут они в речах расходились:

– Ах, вы батуганы криволапые!!!

Страшилища, вы чудища!!!
Ах, ты мужичёк-смоглячёк,
Сума перемётная, с виду доброхотная!!!
Мы с домов вас повыковырнем,
И на улицу повыкинем,
Не дадим вам народ смущать,
Не дадим вам малых детушек,
На ваш ум-разум наставлять!!! –

Испугались батуганы заморские,
Не хочется им из деревень уходить,
Не хочется им обжитые дома оставлять,
А хочется им даровой хлеб есть,
А хочется им вино медовое пить,
А хочется им мужикам небылицы говорить,
И от правды-истины уводить,
Чтоб мужики правды не знали,
Чтоб мужики правды не искали.
Порешили батуганы из деревень не уходить,
Мужиков, как и прежде, от правды уводить,
Малых детушек по-своему назидать.
А ещё, решили они богатырей побить,
Чтоб некому было в поле выходить,
И их – батуганов и грантформеров воевать.
Батуганы окна открывают,
Батуганы богатырям отвечают:

– Чтоб больше вы нам не кричали,
Чтоб нам – батуганам не надоедали.
Чтоб нам спокойно жить не мешали!..
Мы на брань с вами выйдем,
Мы Соломенщика по полю развеем,
Мы Дубравника в щепки разнесём!!!
Мы мужичка-простачка в темницу посадим,
В темницу посадим, на засов закроем,
Чтоб знал, как богатырей в поле выводить,
Чтоб знал, как на нас хулу возводить...
А про Скудельника они ничего не знали,
А о Скудельнике они ничего не ведали,
Потому как спит богатырь, не просыпается,
На печи деревенской поваливается.
И вышли батуганыи грантформеры
В чисто поле.
На них кольчуги железные,
У них мечи закалённые,
У них ножи заострённые,
А на голове шеломы стальные.
Впереди идёт самый главный батуган.
Шеломом стальным поблёскивает,
Доспехами позванивает,
А в руках огнемёт многоструйный,
Многоструйный огнемёт современнойший.
А тем батуганам и грантформерам нет числа.

Надвигаются на богатырей силы несметные,
Силы тёмные, силы страшные
И скрестились мечи острые,
И сшиблись кони резвые.
И зазвенели щиты цельнокованные.
И потекла кровь на землю алая.
Вот Большой Колышлей кровью обагрился,
Вот Малый Колышлей кровью умылся.
Бьются богатыри, богатыри русские,
Бьются не за страх, а за совесть.
И падают батуганы от их мечей
Мечей обоюдоострых, твердосплавных.
И бьются русские богатыри
Не за одну деревню Малую Крюковку,
А бьются за все селенья русские,
С городами и сёлами,
Пригородами и посёлками.
Вот уж Вершинный овраг батуганами завален,
Вот уж Ущельный овраг
Грантформерами заполнен.
А врагов всё не убавляется,
А врагов всё прибавляется.
Устали богатыри мечами рубить,
Устали богатыри врагов крушить.
И не могут они врага одолеть.

Да и сами уже пиками исколоты,
Да и сами уже мечами изранены.
И течёт из тех ран богатырских,
Кровь великая, кровь праведная,
За свою землю проливаемая.
И вот, когда сил почти не осталось,
А ран у богатырей поприбавилось,
Говорят они мужичку-простачку:
Так пойдя, мужичёк-простачёк,
Пойди в ту деревню Малую Крюковку,
Разбуди старшего богатыря святорусского.
Скажи, что мы в битве изнемогаем,
Скажи, что мы силы теряем,
А врагов наших не убавляется,
А врагов наших всё прибавляется.
Пошёл мужичёк-простачёк в деревню,
Стал будить он Скудельника, приговаривать:
Ой, проснись ты Скудельник, просыпайся,
В доспехи боевые одевайся.
Два твоих брата, брата названных,
Ни по крови брата – по призванию,
По призванию, да единомыслию,
В поле широком сражаются,
Кровью своей умываются,
Но не могут одолеть силы тёмной,
Силы хитрой, силы обманчивой.

Сила эта лукавством в деревню вошла,
Сила эта людям урон нанесла.
Мужички свои поля не пашут,
Мужички свои поля не сеют,
Нивы все травой заросли,
А скотину они всю повывели,
Детушки воспитываются не по правде и совести,
А воспитываются по силе и бойкости.
А ты встань, русский богатырь,
Защити свою сторонушку...
Только не хочет Скудельник вставать,
Не хочет Скудельник доспехи одевать.
Во второй раз просит мужичёк-простачёк:
А ты встань-повстань, великий богатырь,
Защити дубравы дремучие,
А в дубравах дубы могучие...
– А на то Дубравник есть, – отвечает богатырь.
– А защити луга с полями, – просит мужичёк
И слышит в ответ:
– А на то Соломенщик есть.
В третий раз обращается мужичёк-простачёк:
– А пойдя, богатырь, защити правду русскую,
На чём свет стоит, на чём мир держится!
Тут Скудельник просыпается,
Тут Скудельник поднимается.
Повернулся Скудельник – простенок упал,

Опёрся Скудельник – печь развалилась,
А вышел в дверь Скудельник,
Так косяки на плечах вынес.
А у Скудельника кудри буйные,
А у Скудельника мышцы крепкие
И сам Скудельник – есть сама земля,
Земля русская, богом даденная.
И вступил в битву Скудельник,
В битву трудную, в битву жаркую.
А как увидели Дубравник и Соломенщик,
Что им подмога пришла,
Так и силы у них прибавились,
Так храбрость их приумножилась.
И вот дрогнули полки грантформерские,
А за ними и полки батуганские.
Видит это самый главный батуган,
Берёт он в руки огнемёт многоструйный,
Многоструйный огнемёт, современнойший,
Да и начал богатырей огнём палить.
Вот он Соломенщика подпалил,
А вот и Дубравника дымом объял.
Говорит богатырям Скудельник таковы слова:
– А вы, братья мои, славные богатыри,
Встаньте сзади меня, чтоб вас огонь не брал,
Прикройте мне спину от врагов.
От врагов супротивников.

А побью я главного батугана,
А в батугане этом изначальное зло.
А потому в нём силы неистребимые,
Силы чёрные и несправедные.
Этого батугана палица не берёт?
Этого батугана меч не сечёт?
Одним мечём его не побити,
Одним копьём его не сокрушити.
А побьём его не одним мечём,
А побьём его и православным крестом.
А без божьей помощи нам не справиться,
И врагов Руси не рассеяти,
И деревень наших не освободити.
А попрошу я Богородицу – заступницу,
О деле праведном, освободительном.
И стал себя богатырь крестом осенять,
И стал он мечём помахивать,
Стал он Бога и Богородицу просить,
Чтоб главного батугана поразить.
А как стал Скудельник крест класть –
Исказилось лицо главного батугана,
Пуще прежнего он стал огнём палить.
А не берёт глиняного богатыря огонь,
Он от этого огня, огня огнемётного,
Да становится крепче крепкого.
Тут взмахнул мечём Скудельник-богатырь,

От взмаха того ветер поднялся,
От взмаха того свист раздался,
К сырой земле дубы наклонились,
Воды в реках остановились.
И пришёлся удар Батугану ниже головы,
И пришёлся удар да выше плеч,
И отсёк Скудельник батугану голову свирепую,
И отсёк ему голову безобразную.
И упала голова, покатила,ся,
Кровью чёрною обагрилася.
Схватил батуган свою голову,
Стал он её на место приставляти,
Стал он её на место прикрепляти.
А не может он её приставити,
А не может он её прикрепити.
Тут поднял Скудельник огнём вражий,
Огнём вражий, батуганом брошенный,
Да стал он батуганят палить,
Да стал их с родной земли прогонять.
И побежали батуганы с русской земли,
А побежали батуганы в земли свои.
А самый главный батуган бежит, подпрыгивает,
А ногою бежит подрыгивает,
А он голову под мышкой несёт,
А голова та богатырям проклятья шлёт.
У той головы рот открывается,

Изо рта того брань изрыгается.
А вместе с ними бежит мужичок-сквознячок.
А вслед им смеётся мужичёк-простачёк.
Хотели батуганы в домах остановиться,
Хотели они в домах спрятаться,
А мужички калитки заперли,
А мужички окна закрыли
И некуда батуганам деться,
И негде им укрыться.
И побили богатыри нечисть поганую,
И побили богатыри нечисть несуразную.

Вот былине сей, подошёл конец,
А хороший конец, всегда делу венец.
А в тех деревнях богатырям славу поют,
А в тех деревнях люди бога чтут.

Вы простите меня, люди русские,
Люди русские православные.
Что не так сказал – не по умыслу,
Наперёд сказал, то по домыслу.
Ну, а вместе нас –
Так уж бог простит.
Так уж бог простит,
На том Русь стоит.